

Позади бензин

Толян

Желудок

Дорожный знак

Фотография голой женщины на приборной панели

Мао Цзэдун

ТОЛЯН: Меня это. Толян зовут, сам из Томска. На Питер еду с Москвы. Машина у меня новая, иностранная. «Камаз» раньше был, а сейчас вот иностранная. Хрен его знает, не могу запомнить, чё за марка. Китайцы делают. Тут на приборной панели даже учебник китайского вмонтирован. Я с самой Тюмени вот слушаю. Назвал его «Мао Цзэдун».

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Химки.

ТОЛЯН: Блин, вообще, мне заправиться надо. Но ща от Москвы отъедем сначала подальше. Мне эта ваша Москва — ох. Мне как говорят, что рейс в Москву, у меня нервная чесотка начинается. Лучше пять раз в Сибирь съезжу, чем на Москву пойду. Не моё — ё-моё.

ЖЕЛУДОК: Да? Ну не скажи. А мне нравится.

ТОЛЯН: Нет, ну по молодости лет, конечно, всё другое... по молодости я Москве жил, работал водителем у аферюги одного. Ну тогда все у них работали.

ЖЕЛУДОК: О, были времена! Это вам не протухший беляш под Канском!

ТОЛЯН: Короче, бандит средней руки такой. Я так его возил обычно: ждал у ресторана, он из дверей прямо выпрыгивал, а я на газ и — вжух. Куда-нибудь под Балашиху везу. Не, даже не спрашивал, чем он занимался. Ну, вернее, и так понятно, что не инженер. А потом по телевизору вдруг показывают в новостях. Лежит в подъезде. Вот так вот. Три ножевых. Я аж картошкой подавился. Хорошо, жена рядом была, спасла.

ФОТОГРАФИЯ: Что? Жена?! Вы женаты?! Вы меня вот сюда сейчас повесили на приборную панель и говорите теперь, что вы женаты?

ТОЛЯН: Не-не. Я просто. Москва давит просто что-то...

ФОТОГРАФИЯ: Аа?!

ТОЛЯН: Говорю, кольцами грудь сдавила Москва эта. Сил нет!

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Солнечногорск.

ТОЛЯН: Фух. Даже задышалось как-то легче без Москвы. Я вообще никогда не хотел быть водилой. Не моё — ё-моё. Первый раз как было? Сидел дома — пиво пил. Друган звонит: «Подработать хочешь?». Ну, я-то думал, это быстро. Пиво в холодильник поставил, пошёл. Ничего не взял, только паспорт. Посадили меня на «Камаз», говорят: «Едь в Новосиб». Ну я и поехал. А зима же. Я еду. Жрать охота, денег нет. Ночь прошла, день прошёл, а я все еду. Потом, значит, стало у этого драндулета по дороге отваливаться всё. То ручка от двери, то гайка с колеса. А у меня денег-то нет. Я ж думал, я ненадолго из дома-то выхожу. Ну, вдоль дороги похожу, железяку найду какую-нибудь и на слюни примотаю. Так, в общем, не жрал я и не умывался дня три. Доехал до Новосиба, как Тарзан. Дикий.

ЖЕЛУДОК: Цыплёнка табака на тебя нет!

ТОЛЯН: Да...Ну вот, доехал до Новосиба. Сожрал у них там на базе две пачки макарон, поспал. На следующий день приходит мужик какой-то, говорит: «Теперь в Кемерово поедешь». Ну, а я-то без денег, домой-то я как вернусь? Я и поехал дальше. Отвертку только попросил у мужиков, а то руками крутить неудобно. Так и вернулся только через месяц домой. А в холодильнике пивко холодненькое стоит, выдохшееся. Я его с радости и выпил.

ЖЕЛУДОК: Буэ! Извините. Физиология.

ТОЛЯН: Да ладно. Бывало и похуже.

Звучит китайская музыка.

ТОЛЯН: О, иноземец проснулся! Солярку надо заливать срочно.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Светофор в Солнечногорске.

МАО ЦЗЭДУН: Ни хао! (*дружелюбно улыбается*).

ТОЛЯН: Так. Быстрее! Быстрее, собака!

ЖЕЛУДОК: Ой, я что-то волнуюсь!

ФОТОГРАФИЯ: А чего? Что-то будет?

Мао Цзэдун счастливо потирает руки и машет всем присутствующим.

ЖЕЛУДОК: Ну говорят, если заглохнет, то всё. Кранты. Совсем. Но мы ещё не проверяли. Неохота проверять, понимаешь?

ФОТОГРАФИЯ: Совсем? Как понять совсем?

ЖЕЛУДОК: Совсем значит совсем! Не мешай, не отвлекай! Женщина! Что ты под руку говоришь? Не видишь что ли, что делается?

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Впереди заправка.

Мао Цзэдун счастливо поправляет костюм и готовится к свершению чего-то.

ТОЛЯН: Сорянчик-христианчик, коллега! Мне повернуть надо! Посторонитесь все!

ЖЕЛУДОК: Ой меня крутит! Ой крутит!

ФОТОГРАФИЯ: Мне вообще-то тут такое не обещали...

ЖЕЛУДОК: Ааааа! Святая Карбонара, спаси нас!

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Вас приветствует АГЗС Роснефть. Магазин, кафе, парковка. Заправка грузового транспорта. Бонусы по карте лояльности.

Мао Цзэдун сожалеет, что не вышло ничего, к чему он готовился.

ЖЕЛУДОК: Слава майонезу! Успели!

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Пропан, АИ-95, АИ-92. Обслуживание машин: подкачка шин, автопылесос, заправщик, мойка стёкол. Кофе «Нескафе три в одном».

ЖЕЛУДОК: О, нет! Опять растворимый! Я не могу так работать!

ФОТОГРАФИЯ: Ой, какие мы нежные! Боже мой!

ЖЕЛУДОК: Молчи, напечатанная! Что ты в этом понимаешь? Тебя вообще непонятно какими

путями сюда принесли!

ФОТОГРАФИЯ: Мы с вами на «ты» не переходили! И я не газетная! Понял? Я из календаря!

ЖЕЛУДОК: Из какого календаря?

ФОТОГРАФИЯ: Из шиномонтажа. У Юры.

ЖЕЛУДОК: У какого Юры?

ФОТОГРАФИЯ: В Омутнинске! Меня этот вот снял. И сюда принёс.

ЖЕЛУДОК: Понятно, умыкнул невесту. Господи, название-то какое. Омутнинск. Но я всё равно такого не припомню города. Там были пирожки с картошкой?

ФОТОГРАФИЯ: Я не знаю. Мне за фигурой следить надо. Пирожки не ем. Я вообще ничего не ем. На маникюр не прошусь, в Дубай не летаю. Очень удобная женщина, одним словом. Меня по этому такие вот мужчины ценят.

ТОЛЯН: А ну цыц! Отвлекаете от дороги.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Уступи дорогу. Спасибо за чистые обочины. Клин 24 километра.

ЖЕЛУДОК: О, прощайте, тигровые креветки гриль. В Клину вас точно не будет.

ТОЛЯН: Нет, работу надо менять, конечно. Не моё — ё-моё. Спина болит, руки от машины этой трясутся, живот растёт. С другой стороны, профессии у меня никакой нет. В армии водить вон научили и ладно. Судимость у меня. Ну и не молодею, понятно. Куда таких ждут?

ФОТОГРАФИЯ: Мужчины с возрастом становятся только лучше. Совсем как вино.

ЖЕЛУДОК: Ой, ну нет. Не соглашусь! Иногда такое нальют!

ТОЛЯН: Да нет. Сейчас я пью только по праздникам. Бухал как-то с мужиками, не хватало двадцатки. Украли стекло с завода, продали его в ту же ночь, еще накатили. Потом показалось маловато. Украли стекло у тех, кому продали, и продали ещё раз. А утром — здравствуйте, пожалуйста. Органы правопорядка. Я с бодуна ничегошеньки вспомнить не могу. Стекло какое-то. Чего-то мне так его присудили. С тех пор притормозил с запоями.

ФОТОГРАФИЯ: И всё равно ты мой герой! Мой Геракл!

ЖЕЛУДОК: Это ты ещё не видела, как он лапшу быстрого приготовления хрумкает в 3 часа ночи!

ФОТОГРАФИЯ: Я вся в нетерпении!

ТОЛЯН: Ну это если время есть на лапшу. А то ведь бывает и без лапши. Все 600 километров семечки.

ФОТОГРАФИЯ: Лев!

ЖЕЛУДОК: А вот от гастрита ещё никто не уходил! Слышишь, календарная, а тебя что за типография печатает-то?

ФОТОГРАФИЯ: Да самая обычная. Днём газеты печатает с журналами, а по ночам — нас. Жить-то как-то надо. На одной жизни звезд шоу-бизнеса много не заработаешь.

ЖЕЛУДОК: Ну как сказать. У Толяна вот одно время висел плакат Шакиры. Певица такая. Едешь по снегам под Иркутском в минус сорок, а она тут тебе в кабине улыбается. Ой, ну до чего родная стала она. Кругом пустота холодная, а она тут в купальнике и с мокрыми волосами. Колесо лопнет, надо менять идти. А страшно морозиться. Это ж и ноги, и пальцы отморозить можно враз. Толян вот так вот ладошку на неё положит и говорит: «Ну всё, Шакирочка, я пошел! Дождешься меня?». И она ему, как будто ласково так: «Дождусь, Толечка! Иди!»

ФОТОГРАФИЯ: Ну и где же ваша эта Шакирочка? Что-то я её тут не вижу.

ЖЕЛУДОК: Так это две машины назад было. Толян ещё одно время ездил с фотографией Сильвестра Сталлоне. Это ему машина досталось от Вовчика. А Вовчик в прошлом учитель бокса был. Пока советский спорт не развалился. Всю кабину сильными мужчинами увесил. Но со Сталонне такой душевности не было, конечно. Там, наоборот, одни укоры.

ФОТОГРАФИЯ: Просто женщины сопереживать умеют.

ЖЕЛУДОК: Да. И мне особенно нравится, когда они сопереживают как-нибудь через торты.

ФОТОГРАФИЯ: О, нет. Да сколько можно?

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Клин.

ТОЛЯН: О, история у меня тут была под Клином. Бабку подвозил какую-то. Ну, как было? Я еду, дождь идёт страшный, а она на обочине стоит. Сухая, скрюченная. Жалко бабку. Остановился подвезти. Говорю: «Куда тебе, мать?», она мне: «Ой, милоч, да вот тут по трассе 10 километров». Правда, она с полчаса ко мне в кабину залезала, хотя я тогда на «Газели» ездил. Думал, упадёт и рассыплется. А так она залезла и ещё два мешка картошки с собой затащила. И вот такой вот бидон молока. Во женщины у нас, да? Скоро в крематорий, а она с бидоном по федеральной трассе. Не моё — ё-моё.

ФОТОГРАФИЯ: Так а что ж нет у неё родных что ли?

ТОЛЯН: Так нету. Сын был, да сплыл. Вот тут она где-то жила, в деревне. Вымершая деревня какая-то. Две калеки. Там бабка эта, ее собака безногая и глухой дед-сосед. Короче говоря, кто уйти не смог, тот и остался.

ЖЕЛУДОК: Простите, что вмешиваюсь, но таких собак на Черкизовском рынке в чебуреки клали, помните?

ТОЛЯН: Как же. Помню. В Черкизово я тоже торговал.

ФОТОГРАФИЯ: Ой, какая у тебя всё-таки биография интересная. И водитель, и продавец!

ТОЛЯН: Ну это не долго было. Сначала армия, потом чутка в такси поработал, свою купил, пропил всё, потом командировка за кражу. Не поучишься особо. В принципе, дальнобоем тоже ничего, но как-то звереешь и тупеешь. Я вот в тюрьме много читал. А сейчас вот попробовал современные книги почитать — ничего не понял.

ЖЕЛУДОК: Просто жрать не надо, что попало. Раздельное питание надо. Утром — брускетта. вечером — котлета.

ТОЛЯН: Нет, я думаю пить бросил когда капитально, то сразу организм как-то ослаб. А может, что просто сам постарел. Хотя вот в зеркало на себя смотрю время от времени — не такой уж пока что и безобразный, да?

ФОТОГРАФИЯ: Ты самый лучший! А что за книга-то?

ТОЛЯН: Да я уже не помню. Что-то про эффективных людей. На стоянке валялась. Бредовые там советы какие-то. Мотивация, сосредоточение. Я бы так автору сказал, если бы его увидел: «Если ты не сидел одиннадцать часов без сна за рулём, не ел и не мылся — ты не знаешь, что такое настоящая эффективность!»

ЖЕЛУДОК: А я тебя предупреждаю. Ой, доиграешься!

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Тверь.

Звучит китайская музыка.

МАО Цзэдун: Ни хао! (*дружелюбно улыбается*).

ЖЕЛУДОК: Опять ты, иноземец? У меня из-за тебя тревога в хроническую стадию перейдёт.

ФОТОГРАФИЯ: Ах, какой мужчина всё-таки представительный.

ТОЛЯН: Чё надо-то ему опять? Вроде покормили его.

ЖЕЛУДОК: Это как сказать. Вообще-то еда всех притягивает. Это только ты у нас тут такой эффективный.

ТОЛЯН: Так, ладно. Сделаем вид, что мы равнодушны к его знакам приветствия.

ФОТОГРАФИЯ: Ну вот это вот сложновато сделать будет. У нас в Омутнинске, когда мужики в шиномонтаж приходили, то все улюлюкали, глядя на меня, но я так и не привыкла.

ТОЛЯН: А вот это звучит многообещающе. Сорянчик-христианчик за бестактность.

ЖЕЛУДОК: Извините, что вмешиваюсь в ваши романтические отношения, но напоминаю, что он просыпается, чтобы пообещать кирдык. Понимаете? Кирдык!

ТОЛЯН: Ладно, тут техстанция есть. Сейчас мы туда заедем, спросим, что не так опять. Там кофе бесплатно делают, кстати. Ну, пока проверять будут, как раз перейдём к более плотному знакомству, да? А то с Омутнинска как-то времени не было.

ФОТОГРАФИЯ: Я вся в предвкушении!

ЖЕЛУДОК: А кофе опять порошковый или что-то более питательное? Я так вообще не дотяну ни до какого Петербурга.

ТОЛЯН: Будешь ныть — куплю квас, который тётки вдоль трассы продают. Будешь страдать до самого Владивостока, понял?

ЖЕЛУДОК: Понял. Страна большая. Надо смириться.

Все танцуют.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Лихославль.

ТОЛЯН: Фу, блин заснул, кажется, на пару минут.

ЖЕЛУДОК: Эй, хозяин. Ты так не шути. Господи, ну почему мне выпала такая страшная доля? Кому-то бутерброды с плавленым сыром «Янтарь», а кому-то телячьи мозги с татарским соусом?

ФОТОГРАФИЯ: Утомился, мой рыцарь?

ТОЛЯН: Утомишься тут. Просто я за женщиной красиво ухаживаю, вкладываюсь, как следует. Я за женой когда ухаживал, я ей такие подарки привозил. Ого-го! То медведя плюшевого, то духи, то два ящика красного вина. Золото, серебро. Вообще все деньги на неё тратил. Она у меня такая была

красотка. В столовке работала, рыбные котлеты жарила — во какие. 15 из 10.

ФОТОГРАФИЯ: Так ты сказал, что у тебя нет жены!

ТОЛЯН: Так это сейчас нет. В разводе я.

ЖЕЛУДОК: Котлеты были нечеловеческой вкусноты. Подтверждаю. В меру соленые, в меру перченые. И компот. Шикарные времена.

ФОТОГРАФИЯ: А что же это вы расстались?

ЖЕЛУДОК: Я тоже ему говорил, что зря это всё. Лучше уже не будет. Домашняя еда — есть домашняя еда. Никакой ресторан в этом смысле тягаться с ней не может. Ну только если это не высокая кухня. Но, судя по динамике, она нам не светит.

ТОЛЯН: Да тихо ты. Просто как это? Хочется просто, чтобы женщина была более внимательная. Я ей иногда говорил: «Пойдём со мной в гараж посидим?». А она не хочет. «Что мне там делать?» — говорит. Ну, сходила бы разок, посидела, что такого? Мне же приятно. Я там ковыряюсь, а она сидит со мной. Мужики придут с водкой, а у меня жена.

ЖЕЛУДОК: Весомый аргумент.

ТОЛЯН: Во. Нельзя при ней водку пить. Уйдут. И я не пью тоже. Отговорка такая. А то от них же не отделаешься просто так. Мужики — они же примитивные, начнут брать на слабо, ну как там в школе ещё, знаешь? Ты что? Давай, чуть-чуть, ты что — не мужик? А она мне всё: «Что мне делать в твоём гараже?» Ну, вот поэтому семьи и разрушаются. Поэтому мужики и спиваются. А вы как хотели?

ФОТОГРАФИЯ: Мы хотели бы сразу нормальных. Это я сейчас вам за всех женщин отвечаю.

ТОЛЯН: Да ну? Бросила она меня сразу, как я из командировки вышел. Ты говорит, вернулся другим человеком. То есть, десять лет страдала, пока я всё пропивал. А тут я излечился и стал ей не нужен, получается. Вот как вас, женщин, понять?

ФОТОГРАФИЯ: Надо как-то вот...по наитию.

ЖЕЛУДОК: Вот вам и гастриты с панкреатитами. Надо просто женщину с похожими интересами искать. Скажем, твоей же профессии. Пробовал?

ТОЛЯН: Женщин-дальнобойщиц встречал, но как-то они все были иностранки. Один раз вот на Питер еду, как сейчас — стоит, руками машет около фуры. Остановился, вышел — она мне на своём

что-то говорит. Ничего не понимаю. Смотрю — колесо пробито, пошёл искать, где её мужик-то. Не придавило, что ли, его там где-нибудь под фурой. Оказалось, что она и есть водитель!

ЖЕЛУДОК: Звучит как начало романтической истории. Но судя по тому, что мы с вами здесь, хэппи-энда не было.

ТОЛЯН: Не, она мне: «Сервис, сервис!» Волосы вот такие, длинные. Ну, я ей помог заправку одеть. «Ноу сервис ин Раша», — говорю. Ай эм сервис. Она посмеялась. Из Италии, кажется, была. Ну, симпатичная такая. Был бы помоложе — приударил бы, а так уже староват для такого. И вообще. В кабине котлеты не приготовишь.

ЖЕЛУДОК: Вот это поддерживаю.

ФОТОГРАФИЯ: Я себе всё это по-другому, конечно, представляла, когда ты срывал меня со стены в шиномонтаже у Юры. Я хоть и без одежды, но у меня тоже есть чувства, вообще-то.

ЖЕЛУДОК: Ну погоди, поедem когда-нибудь обратно через Омутнинск и тебя высадим. Раз в сезон точно там бываем. Толян тебя опять там к стенке пришпандорит на кнопку.

ФОТОГРАФИЯ: И небось детей ещё наплодил. А сам катаешься тут. Туда-сюда.

ЖЕЛУДОК: От женского гнева, как говорится, не уйти. Да, Толян? Даже если это нарисованная женщина в календаре.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Торжок.

ЖЕЛУДОК: Моё урчание, кажется, нарушает эту тишину. Хозяин, ты не заснул там?

ТОЛЯН: Ладно. Каюсь. Есть у меня два сына.

ФОТОГРАФИЯ: Я так и знала!

ТОЛЯН: Старшего назвал Эдгар. Это мне очень понравилось, как звучит Эдгар Аллан По. Такой писатель, знаете? Не, я сам не читал, просто понравилось, как звучит. А вот сынишка, видать, умный растёт, читает всякое там. Второго тоже хотел назвать как-нибудь в честь великих, но жена воспротивилась, так что в интернете просто посмотрели, какие имена есть на «М». Так что у меня Мишка и Эдгар Ивановы. Звучит?

ФОТОГРАФИЯ: Можете сколько угодно на меня смотреть, но я больше не пророню ни слова.

ТОЛЯН: Слова тут и не нужны. Сейчас Вышний Волочёк начнется. Место, где любое слово

превращается в мат.

ФОТОГРАФИЯ: Почему?

ЖЕЛУДОК: Ох ты, календарная! Вот сразу видно, что в столицах не была ни разу. Да тут все фуры через город прутся. Пробки на 5-6 часов. А то и больше. Вот стой. Ни, простите, по делам сходить, ни прикорнуть.

ФОТОГРАФИЯ: Ой. А нельзя объехать как-то?

ТОЛЯН: Да можно, конечно. По платной. Платить только никто не хочет. Работодатель деньги на такое не выделяет, а водители свои кровные тоже просто так не отдадут. Да и я не отдам. Не моё — ё-моё.

ЖЕЛУДОК: Пойми, календарная, страна большая. Надо смириться. Да, Толян? Заводи нашу.

ТОЛЯН: Волочковскую?

ЖЕЛУДОК: И иноземец пусть присоединяется. Он тут тоже ещё не был. Дебют, так сказать.

Рэп-баттл «Вышний Волочёк»

ТОЛЯН:

На карте России, где течет река Цна
Водителям и жителям точно не до сна.

ЖЕЛУДОК:

Тут на перекрёстке стоит светофор.
Который вошёл уже в местный фольклор.

ТОЛЯН:

И пробка через город от зари до зари.
Ты только смотри за рулём не засни.

ЖЕЛУДОК:

И точно говорят, что город красивый.
Стоит тут светофор, который дрючит всю Россию.

ХОР:

Вышний Волочёк, ты в сердце моём,

В пробке стоим ночью, в пробке стоим днём.
Здесь дух единства, здесь крепкие связи,
Вышний Волочек — это наша база!

ТОЛЯН:

Построили недавно объездную дорогу.
Надо, мол, идти уже со временем в ногу.

ЖЕЛУДОК:

Но потом вдруг решили сделать платным поток.
Чтобы рубль понятно куда надо утёк.

ТОЛЯН:

И светофор нам включили опять.
Только вместо одного сразу сделали пять.

ЖЕЛУДОК:

Город с характером, с душой и судьбой,
Вышний Волочёк, ты всегда со мной.

ХОР:

Вышний Волочёк, город мой родной,
На перекрёстке встречаемся с тобой.
Светофоры горят, словно сердце страны,
Ты только не спи. Ты только не спи!

ХОР:

Вышний Волочёк, ты в сердце моём,
В пробке стоим ночью, в пробке стоим днём.
Здесь дух единства, здесь крепкие связи,
Вышний Волочёк — это наша база!

Все аплодируют.

ЖЕЛУДОК: В общем, когда жизнь подкидывает лимоны, помни: иногда они могут быть ещё и в плесени.

МАО ЦЗЭДУН: Се се!

ФОТОГРАФИЯ: Ой, красавец!

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Валдай.

ТОЛЯН: Сейчас тут ещё немножко приличного, а потом уж начнутся аномалии на асфальте. Не проглядеть бы. Не моё — ё-моё.

ЖЕЛУДОК: Плохой признак.

ФОТОГРАФИЯ: Почему?

ЖЕЛУДОК: Сейчас семечки достанет и кока-колу. Гурманство на полные басы, так сказать.

ТОЛЯН: Так, слушай сюда! Держимся правой стороны. Но потом большую часть Новгородской области пойдём по левой полосе, потому что правая убита в хлам. Повилять, короче говоря, придется, понял?

МАО ЦЗЭДУН: А?

ТОЛЯН: От ты ж, собака. Не понимает. Как бы не выкинул чего.

ЖЕЛУДОК: Ну ты ему объясни как-то по-простому.

ТОЛЯН: Ноу дорога. Ферштейн? Тьфу ты.

МАО ЦЗЭДУН: А?

ТОЛЯН: Скидываемся, короче, кто из нас резину убьёт, а кто — нет. Су-е-фа, понял? Су-е-фа. Играют все машины. Кто ночь продержится, тот и выиграл. Понял?

МАО ЦЗЭДУН: О, Су-е-фа! *(довольно кивает)*.

ЖЕЛУДОК: Каждый раз на этом участке думаю: умру молодым и голодным или не умру? Слушай, календарная, а ты себе как свою смерть представляешь?

ФОТОГРАФИЯ: Ну я так-то и бессмертной могу быть теоретически. Вот, например, у нас некоторые девчонки с шестидесятых висят. И ничего. Неплохо сохранились.

ЖЕЛУДОК: Звучит жутковато вообще-то.

ФОТОГРАФИЯ: Да не знаю. Бывало и похуже.

ЖЕЛУДОК: Куда уж хуже-то?

ФОТОГРАФИЯ: Ну, например, есть ещё отрывные календари. Всего 365 дней живут.

ЖЕЛУДОК: Ой! Чур тебя макаронами по-флотски.

ТОЛЯН: Засыпаю что-то уже. И семечки не помогают.

ЖЕЛУДОК: О, нет. Всё-таки умру голодным.

ФОТОГРАФИЯ: Да тихо ты! Может быть, остановиться поспать, котик? Силы восстановить, м?

ЖЕЛУДОК: Да какой остановиться? Где? Ты видишь, что кругом темно и болота?

ФОТОГРАФИЯ: Ну так вон. Есть же обочина.

ЖЕЛУДОК: Чтоб в тебя тут сосед влетел, который следом едет и заснул тоже? Нет, этот кусочек трассы-камикадзе надо ночью насквозь идти, если хочешь всё-таки доехать.

ТОЛЯН: У нас тут есть один водитель-баянист. Тоже сейчас мотается между двумя столицами. Бананы возит. Ну, он вообще играл профессионально, когда в колхозе ещё. В ансамбле каком-то там. Так и возит с собой баян этот. На стоянку приедет, водки нажрётся, рацию включит и давай наяривать. Концерт. Про Дунай играет... Волны Дуная. Как там назывался у него коллектив? «Молодые баяны» что ли? Или «Час баяна»? Чёрт его знает. Всё равно баян — не моё.

ЖЕЛУДОК: Ой, всё, автопилот у Толяна включился. Радио «Культура» сейчас играет, считай. Давай лучше переключим на другой канал, а то он потом там начнёт шансон петь — это лучше сразу из кабины прыгать.

ФОТОГРАФИЯ: Переключай, ага.

ТОЛЯН: Тоже мы жили при коммунизме и нам говорили, что вот, потерпите, скоро всё будет бесплатно, понимаешь. Нам так говорили. И вот где? И вот бабка моя, царство ей небесное, ждала. Ничего не покупала можно сказать. Боялась деньги потратить. И она как думала-то? Что зачем тратить, если бесплатно всё будет? А? Инвестор, понимаешь. А потом мать ждала. И вот где это всё бесплатное, а? Вот где? Вот это вот что ли бесплатное? С ухабами в темноте?

ФОТОГРАФИЯ: Ой, нет. Можно не про политику и не про футбол? У меня аллергия на них.

ЖЕЛУДОК: О, у меня на апельсины аллергия. Ой, прошу прощения. Сейчас переключу.

ТОЛЯН: Сейчас вот сыновей поднять надо, и буду уже для себя жить. Пока сами не могут ещё. В институт надо их пристроить. В Москве. И буду тогда для себя жить. Я так посчитал, годиков пять мне ещё так вот поездить, потерпеть. Годиков пять. Потом уже будет полегче. Потерпеть надо немножко.

ФОТОГРАФИЯ: Ой, нет, давай про эту всю мужскую экономику тоже не будем. Как они на ноги встанут, как большими людьми станут. Это я уже тоже всё сто раз слышала..

ЖЕЛУДОК: Ага. Согласен. Я обеда жду с Химок. А уже скоро завтрак следующий. Переключаем.

ТОЛЯН: Галка была супер. Но вот близости у нас с ней душевной никакой не было. Нет, как женщина она мне очень даже нравилась. Интересная, работающая. Но не было в ней никакой тайны. Не мой тип, понимаешь? Не похожа на Ким Кардашьян даже.

ЖЕЛУДОК: Ой, извини, мужская солидарность. Извини. Следующий!

ТОЛЯН: Нет, я как считаю? Наше поколение мужчин, конечно, лучше. Работать умеем, грязи не боимся. А ты сейчас это поколение видел? Тьфу! Снежинки! Всё им тяжело. Всё они не могут. Вот у нас взяли механика молодого, так он в первый же день вмазался в столб. Как? Как ты едешь-то? Ой, да что говорить? Гайки-то открутить не могут даже. Им бы кремом руки мазать только.

ФОТОГРАФИЯ: Это уже канал популярной психологии или про разницу поколений?

ЖЕЛУДОК: Да, там ещё про 90-е рассказы. Лески на шее, ОПГ.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: ДПС.

ЖЕЛУДОК: Не, ДПС там никаким и не пахло, кстати.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Вон стоит ДПС.

ЖЕЛУДОК: О, нет! Хозяин, просыпайся! Просыпайся! Уходи на свою полосу!

ФОТОГРАФИЯ: Котик! Возвращайся к нам!

ЖЕЛУДОК: Толян! Толян! Просыпайся!

Звучит китайская музыка.

МАО ЦЗЭДУН: Ни хао! (*дружелюбно улыбается*).

ЖЕЛУДОК: Всё. Это конец! Я так и умру без тыквенного супа.

Мао Цзэдун счастливо поправляет костюм и готовится к свершению чего-то.

ФОТОГРАФИЯ: Это всё потому, что я смеялась над календарем с рецептами, наверное.

ЖЕЛУДОК: А что за рецепты были?

ФОТОГРАФИЯ: Ой, да не знаю. Окрошка какая-то, Борщ.

ЖЕЛУДОК: Окрошка...

Мао Цзэдун танцует под звуки китайской музыки и монолог Толяна.

ТОЛЯН: Я тут вспоминал, какая у меня была любимая игрушка в детстве и понял, почему у меня так всё. Да и у вас, наверное. Такая вот юла у меня была. Красная с полосками синими. Раскручиваешь её — а она скрипит, трещит. И крутится. И синие полоски превращаются в круг. В несколько кругов даже. И вот ты сидишь, как загипнотизированный, смотришь в эти круги. А потом круг начинает рваться. А юла замедляет ход. И всё падает. А ты её снова раскручиваешь и смотришь в неё. То есть, игра такая. Без имени, без дома, без цели. Просто крути и крути. Когда упадёт — снова поднимай и раскручивай. Понимаете? Вот мы так всё и раскручиваем. И поднимаем. А кто и зачем всё это придумал? Юла. Никуда не приезжает это колесо, получается, хотя скорость у него хорошая. Вот как такое может быть? В чём цель? Просто вот тебе сказали «На юлу. Раскручивай». И ты её, как дурак всю жизнь крутишь.

Мао Цзэдун завершает танец.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Чудово.

ЖЕЛУДОК: А всё таки хорошо, что не разбились. Хорошо, что только фара и мусора-дойеры, да? И наконец-то бич-пакет этот поели. С запахом говядины. Ох, как хорошо!

ТОЛЯН: Да тьфу ты. Лучше бы разбились, чем такие деньги им отдавать. И за фару плати теперь. Не моё — ё-моё. Моя жизнь столько не стоит.

ФОТОГРАФИЯ: Не говори так, котик, не надо. Твоя жизнь бесценна! Женское сердце всегда такое чувствует. Даже если оно — календарное.

ТОЛЯН: Ой, да скажешь тоже. Бесценна! Меня же даже как бы и не существует. Не видно меня. Где я?

ЖЕЛУДОК: Ну не знаю, ДПС тебя сразу увидел. Я бы даже сказал, мгновенно. На левой-то полосе.

ФОТОГРАФИЯ: Не надо расстраиваться. У тебя всё получится, котик! Ты — лучший!

ЖЕЛУДОК: А я тебе говорил, что увидишь, как он в три часа ночи хрумкает, м? Ну как не влюбиться в такого человека. Толян, миленький! Ты ж мой салат Цезарь!

ФОТОГРАФИЯ: Точно. Цезарь!

ЖЕЛУДОК: А может быть, это самое? Ну...это. Побалуем себя, м? Ну раз уж тут все так хорошо складывается.

ТОЛЯН: Да, кофейку бы надо.

ЖЕЛУДОК: А ты знаешь, меня даже это не раздражает. Мне вообще все равно. Понял? Хоть и три в одном бери.

ТОЛЯН: Я вот тогда съездил один раз без сна два дня вообще. Приезжаю в этот город. Название уже не помню даже. А у меня там написано, вот, чёрным по белому, что улица такая-то и в коричневые ворота заехать. Сам-то засыпаю, солнце светит, уже встать и умереть, понимаешь? От сна умереть. Я уж голову в окошко, и уж и пою и по голове бью — нет. Раз проехал — нет ворот, два проехал. Остановился, давай сверять. Спросить не у кого — спят все. Диспетчеру звоню, а она: «Коричневые ворота! Огромные они! Глаза разуй!» Короче, мотался я по этому городу, искал ворота. Уже на последнем издыхании просто. Плюнул. Заснул просто там, где стоял. Всё. Просыпаюсь, а они передо мной! Прикинь? Коричневые! Мимо ездил, они открыты были. Потом их, видно, закрыли. Я этот город проклял навсегда!

ЖЕЛУДОК: Плохо, что ты его не запомнил. А то второй раз пошлют же.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Колпино.

ЖЕЛУДОК: Ну всё, можно сказать, на районе. Без двух минут в Северной столице. Привет вам, латте со вкусом миндаля! Здравствуйте, картофель фри и яйцо пашот! Мы к вам доехали!

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК: Ребят, я, конечно, извиняюсь. Но зачем вот это вот всё вообще?

ЖЕЛУДОК: Ты про фри или про наггетсы? Я так скажу: если иногда, то это можно. И даже не вредно.

ФОТОГРАФИЯ: По-моему, он не про наггетсы.

ЖЕЛУДОК: А про что, если не про наггетсы?

ФОТОГРАФИЯ: Ну, про жизнь.

ТОЛЯН: Если про вообще, то, знаете, просто все люди думают, что они самые лучшие и самые умные. И вообще, все остальные — это тьма, И если бы не просто этот несправедливый мир, то был бы сейчас большим человеком. Вот я, например, смотрите. Страшный — это раз. Живот смотрите какой. Лысею уже вон кое-где. Глупый — институт не заканчивал. Работа у меня жестокая. Вор, алкоголик бывший и человек, вообще-то, опустившийся. И всё равно я считаю, что я — крутой, хоть и нет для этого ничего. Понимаете? И менять я ничего не хочу. И так все, я вас уверяю. Даже самые ничтожные. А что у тех, у кого работа получше и институт? Они же, наверное, вообще думают, что они пупы земли. Вот это моё — ё-моё.

ЖЕЛУДОК: Хорошо сказал. Я бы прослезился. Но лукового супа нету.

ФОТОГРАФИЯ: Не могу, когда ты так говоришь про себя, Анатолий. Уеду в Омутнинск!

Звучит китайская музыка.

МАО ЦЗЭДУН: Ни хао! *(дружелюбно улыбается)*.

ЖЕЛУДОК: О, иноземец. Да погодь, сейчас уже доберёмся до Питера и скрутят там тебя. Толян вон нашёл умельца. Надоел ты нам.

ФОТОГРАФИЯ: Даже жалко его. Такой мужчина представительный. Сразу видно, что породистый.

ЖЕЛУДОК: Да не знаю. Разве что с гречкой покатит.

МАО ЦЗЭДУН: Ни хао! *(машет всем присутствующим)*.

ФОТОГРАФИЯ: С гречкой. У нас, кстати, в отрывном календаре был рецепт гречки по-купечески.

ЖЕЛУДОК: Это с укропом что ли какая-то? Нет?

ФОТОГРАФИЯ: Почему с укропом-то? С овощами и с говядиной.

ЖЕЛУДОК: Говядину люблю. Особенно мраморную. Правда, я её не пробовал.

ФОТОГРАФИЯ: А откуда ты знаешь, что любишь?

ЖЕЛУДОК: Ну, некоторые вещи как бы знаешь наверняка. Хотя никогда с ними и не встретишься.

Конец.